

УДК 94(571).084.8
DOI: 10.17223/19988613/71/8

О.В. Филиппенко

К ПРОБЛЕМЕ ГРАНИЦ ДИКТАТУРЫ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ МВД И МГБ С ИНЫМИ ВЛАСТНЫМИ СТРУКТУРАМИ ПО ВОПРОСАМ НАДЗОРА ЗА СИСТЕМОЙ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ

Поднимается проблема ограничений сталинской диктатуры. Посредством анализа отдельных исторических ситуаций (конец 1940-х – начало 1950-х гг., Новосибирская и Томская области) определяются отличия в интерпретациях разными органами власти норм, регулировавших жизнь спецпоселенцев. Показывается, как порождаемые ими конфликты сглаживали репрессивные практики. Делается вывод, что не было заложено системы контроля законности действий надзорных органов, но из-за наличия у работников МВД и МГБ своих представлений о целесообразности и справедливости отдельные практики корректировались.

Ключевые слова: спецпоселение; тоталитаризм; ревизионизм; поздний сталинизм; Западная Сибирь.

Одной из ключевых дискуссий в историографии сталинизма является полемика между представителями «тоталитарной» («традиционалистской») и «ревизионистской» научных школ. В рамках первого концептуального подхода сталинское общество рассматривается или как полностью подчиненное обладающему фактически неограниченной властью государству, или как вовсе соединенное с ним. В этой связи проявления «тоталитарности» видятся как в масштабных репрессивных практиках, так и в подчинении политическим структурам практически всех социальных институтов. Таким образом, согласно «тоталитарной парадигме», в сталинское время государственное принуждение не только распространилось на области, которые ранее не находились или находились в незначительной степени под юрисдикцией государства, но и фактически не имело каких-либо институциональных ограничений. Концептуальные основы «тоталитарной» парадигмы были заложены в работах Х. Арендт, З. Бжезинского, К. Фридриха, А. Майера и Х. Линца, ставших классическими. Среди более поздних трудов, выполненных в рамках данного концепта, следует отметить работы И.В. Павловой [1]. Представители «ревизионистского» подхода пытались показать двойственность норм повседневной жизни и неоднородность общественных представлений, опровергая тем самым тезис о всеобъемлющем, обладающим фактически безграничной властью государстве. «Ревизионистский» подход первоначально возник как антитеза «тоталитарному» концепту и был призван привлечь внимание историков к проблеме социальной истории. Условное начало данному направлению положила статья Ш. Фицпатрик [2].

Однако справедливые указания «ревизионистов» на наличие противоречий между различными подсистемами советской системы, а также на то, что государство едва ли могло контролировать все сферы жизни социума, не является основанием для полного отказа от «тоталитарного» концепта. Согласно Джону Кипу, когнитивные возможности «тоталитарной» парадигмы не исчерпаны в случае ее корректного использования, поскольку нельзя отрицать факт наличия у сталинского

режима стремления к установлению жесткого контроля над обществом, в реализации которого он добился определенных успехов [3. Р. 98–99]. В этой связи вопрос стоит, скорее, в выявлении основных трудностей и барьеров, с которыми сталкивалась сталинская диктатура при претворении в жизнь данного желания, и определении границ «тоталитарности». Данная проблематика особенно актуальна применительно к послевоенному времени, поскольку, победив в войне, сталинский режим доказал свою устойчивость и легитимность, что дало ему определенный мандат на расширение сферы действия типичных для него мобилизационных и репрессивных технологий.

Ключевым направлением для изучения проблемы границ «тоталитарности» являются исследования, посвященные советской юстиции, в рамках которых анализируются в том числе механизмы сдерживания, существовавшие внутри сталинской управленческой системы. В большинстве своем историки исходят из того, что в период позднего сталинизма власть НКВД / МВД и НКГБ / МГБ была практически непоколебимой, а призванные контролировать их властные структуры действовали по большей части в их же интересах [4. С. 304]. При этом ряд исследователей подчеркивают, что некоторые режимные инициативы все же наткнулись на противодействие со стороны как непосредственно служащих системы внутренних дел и госбезопасности, так и работников других властных институтов (например, судов и прокуратуры). Однако характер и причины данного противодействия оцениваются по-разному. Одни исследователи объясняют его наличие отсутствием дисциплины и контроля в партийно-государственной машине в целом, другие рассматривают его как проявление сознательного противодействия наиболее крайним аспектам сталинской политики [5. Р. 456–457].

Вопрос о характере системы сдерживания деятельности органов НКВД / МВД и НКГБ / МГБ находит свое отражение и в работах, посвященных непосредственно спецпоселениям. Согласно постановлению Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г. в сфере

компетенции МВД находились материальное обеспечение и трудоустройство спецпоселенцев, их учет, а также административный надзор за ними. В свою очередь, органы государственной безопасности должны были проводить чекистскую работу и выявлять среди спецпоселенцев шпионов, диверсантов, террористов и другие «враждебные» элементы. К настоящему времени в научной литературе наблюдается две диаметрально противоположные точки зрения. Первая концептуализирована в работах Л.П. Белковец. Согласно ее выводам на спецпоселениях была разработана система контроля за выполнением режимных требований должностными лицами, которая включала в себя «сплошную» и выборочные проверки соблюдения правил, оперативно-чекистское обслуживание, розыскные мероприятия и т.п. В свою очередь нарушение установленных правил специального режима влекло за собой пресекательные меры и меры дисциплинарного и административного воздействия [6. С. 325]. К противоположным выводам, однако, пришли С. А. Красильников [7. С. 317] и А. С. Иванов [8. С. 704], по данным которых контроль за деятельностью работников комендатур де-факто отсутствовал.

Решение поставленной проблемы видится не только в выявлении сферы компетенции органов, призванных надзирать за соблюдением законности в спецпоселениях, но и в разборе конкретных исторических ситуаций, в рамках которых органы МВД и МГБ вступали в противодействие с работниками системы суда и прокуратуры, партийными структурами или представителями хозяйственных организаций. Анализ конфликтов позволяет понять, могла ли позиция, например, прокуратуры изменить на практике политику министерства внутренних дел, направив ее в более законное русло. Именно конкретные ситуации лучше всего демонстрируют, как в сталинской диктатуре формировалась практика реализации властных решений и как функционировали и функционировали ли в принципе механизмы, которые должны были в той или иной степени сглаживать репрессивные технологии и хотя бы немного адаптировать решения центра под потребности спецпоселенческого социума. В этой связи в рамках настоящей статьи подробно рассматриваются три частных ситуации, которые произошли в конце 1940-х – первой половине 1950-х гг. на территории Новосибирской и Томской областей. Каждая из них является примером противостояния органов МВД с другими принимающими решения акторами и четко демонстрирует противоречия, существовавшие внутри властной структуры, а также механизмы их разрешения.

1. «Беглецы должны привлекаться к уголовной ответственности вне зависимости от обстоятельств побега»: дискуссия о самовольных отлучках спецпоселенцев

22 июня 1948 г. трое состоящих на спецучете немца без разрешения уполномоченного органа выехали из Кемеровской области в Семипалатинск для посещения родственников. Спустя некоторое время спецпоселенцы планировали вернуться обратно. В пути, однако,

они были задержаны [9. Л. 11]. Согласно Положению «О районных и сельских комендатурах НКВД» от 7 февраля 1944 г. несанкционированные выезды спецпоселенцев за пределы района расселения должны приравниваться к полноценному побегу и, следовательно, наказываться не в административном, а в уголовном порядке в случае, если они превышали одни сутки [10. С. 400–403]. Вплоть до 21 февраля 1948 г. наказание за побеги из спецпоселений регулировалось Уголовным кодексом РСФСР, согласно которому максимальная санкция для беглецов составляла три года лишения свободы (ст. 82), а для укрывших их лиц – один год (ст. 59-13). Затем декретом Совета Министров СССР наказание повысилось до 10 лет [11. С. 89–90]. 26 ноября 1948 г. был принят указ «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны», установивший наказание для беглецов в виде 20 лет каторжных работ. Формально деяние трех состоящих на спецучете немцев подпадало под действие Постановления Министров СССР от 21 февраля 1948 г. На практике, однако, между органами МВД и прокуратурой завязалось противостояние по вопросу целесообразности привлечения к уголовной ответственности тех, кто лишь на время выехал из районов расселения и не планировал в последующем скрываться от властей, а, напротив, хотел вернуться в спецпоселения.

Расследование по делу трех немцев было завершено 17 августа 1948 г. и направлено на рассмотрение особого совещания МВД. Однако в январе 1949 г. по заключению заместителя генпрокурора СССР генерал-лейтенанта юстиции А.П. Вавилова дело было направлено на новое рассмотрение. Согласно данному заключению, следствие должно было проверить, проживали ли родственники обвиняемых в Семипалатинске или нет. В случае подтверждения данного факта дело следовало прекратить [9. Л. 11]. Данная позиция прокуратуры вызвала протест со стороны управления МВД по Новосибирской области в лице его начальника генерал-майора Ф.П. Петровского, который уже 5 февраля 1949 г. обратился за поддержкой к руководителю отдела спецпоселений МВД СССР полковнику В.В. Шиану. В своем заявлении он сообщил, что органы прокуратуры регулярно отказывают в санкционировании арестов и прекращают уголовные дела в случаях, если, по их мнению, спецпоселенцы не располагали умыслом к побегу и покинули районы расселения, например, для встречи с родственниками или выполнения какого-либо производственного задания. Петровский, в свою очередь, считал, что данные лица должны привлекаться к уголовной ответственности независимо от того, какую цель они преследовали, поскольку подобные действия с формальной точки зрения являются побегом [Там же. Л. 10–11].

Мотивация начальника управления МВД по Новосибирской области вполне объяснима, поскольку именно отсутствие побегов являлось основным критерием оценки работы надзирающих за спецпоселенцами органов. Об этом, например, напрямую заявил руководитель управления МВД по Кемеровской области

генерал-майор В.В. Губин на заседании начальников городских и районных отделов МВД, прошедшем 7 апреля 1948 г.: «Помните, что наличие или отсутствие побегов будет служить мерилom при оценке работы комендантов и начальников органов МВД. Мы расцениваем побег как чрезвычайное происшествие, за которое должны нести ответственность комендант и начальник органа, допустившие побег» [12. Л. 135]. В свою очередь, практика самовольных отлучек спецпоселенцев, по мнению надзорных органов, вела к увеличению числа реальных побегов. Например, расселенные в Кемеровской области «власовцы», которые по инициативе руководителей хозяйственных организаций без согласования с работниками комендатур отпускались в отпуска или командировались для выполнения производственных заданий, массово не возвращались обратно в места расселения [9. Л. 168]. В этой связи стремление управления МВД по Новосибирской области использовать общую тенденцию по ужесточению антипобегового законодательства как повод для активизации борьбы с практикой самовольных отлучек вполне объяснимо.

Факт того, что Новосибирское управление МВД в конце 1948 г. встало на позицию ареста с последующим привлечением к уголовной ответственности всех несанкционированно покинувших места расселения спецпоселенцев вне зависимости от наличия у них умысла к побегу, подтверждается статистическими данными. Так, в четвертом квартале 1948 г. в области было зафиксировано 38 побегов. При этом 24 спецпоселенца совершили данное деяние, имея на руках командировочные удостоверения, еще семь человек бежали с целью избежать уголовного преследования за другие преступления, пятеро выехали для воссоединения семьей и двое – для заключения брака с не состоящими на спецучете гражданами. 28 из 38 человек были задержаны, среди них были все лица, выехавшие из мест расселения по командировочным удостоверениям. Только один из этих спецпоселенцев был привлечен к административной ответственности, остальные 27 были арестованы в уголовном порядке [13. Л. 199–200]. Завершились ли данные дела вынесением обвинительного приговора, установлено не было. Кроме того, в январе 1949 г. были осуждены трое спецпоселенцев, которые без разрешения коменданта покинули свой район расселения, однако не выезжали за пределы области [9. Л. 6].

Заявление Петровского было перенаправлено заместителю министра МВД СССР генерал-лейтенанту В.С. Рясному. Тот, в свою очередь, поддержал нижестоящего коллегу и уже 8 февраля 1949 г. направил Вавилову сообщение, в котором потребовал, чтобы названные начальником Новосибирского управления МВД спецпоселенцы предстали перед судом [14. Л. 11]. Данное письмо Рясного, однако, не является основанием полагать, что центральное управление МВД в целом разделяло позицию Петровского и считало, что лиц, покинувших места расселения без согласования с комендатурой, необходимо привлекать к уголовной ответственности вне зависимости от наличия умысла к побегу. Об этом свидетельствует два факта.

Во-первых, поддерживаемая управлением МВД по Новосибирской области практика применения к совершившим самовольные отлучки спецпоселенцам уголовных санкций не была широко распространена. Так, данные по Томской и Кемеровской областям показывают, что подобные нарушения карались административным наказанием в форме денежного штрафа или административного ареста сроком от трех до пяти суток. Этот факт подтверждается и нарративными источниками. Согласно дневникам Якоба Валля, высланного в рамках кампании по депортации поволжских немцев в Томскую область, он уже после принятия указа от 26 ноября 1948 г. неоднократно ездил в Томск и Бийск по различным семейным обстоятельствам, не имея при себе разрешения от надзорного органа. Данные факты были известны как коменданту, так и его заводскому начальству, которые, однако, предпочитали закрывать глаза на данные нарушения [15. S. 225–226].

Во-вторых, практически одновременно с рассматриваемыми событиями Рясной возвратил Петровскому пять уголовных дел и рекомендовал, чтобы обвиняемые спецпоселенцы были привлечены не к уголовной, а к административной ответственности. Фигурантом первого дела был немец, шофер по профессии, который выехал из Чулымского района Новосибирской области в областной центр для выполнения производственного задания. Он не смог получить разрешение коменданта, поскольку тот был в отъезде. Второе дело было возбуждено в связи с самовольной поездкой спецпоселенки из Чановского района в Новосибирск для прохождения офтальмологического лечения (комендант отказал в выдаче разрешения). Обвиняемыми по третьему делу были два спецпоселенца, которые 11 октября 1948 г., т.е. еще до принятия указа от 26 ноября 1948 г., несанкционированно покинули Болотнинский район Новосибирской области для регистрации брака в Андреевском районе той же области. По материалам четвертого дела, спецпоселенец выехал из Болотнинского района в Новосибирск по просьбе своего отца, чтобы встретить и привезти домой выписанную из больницы сестру. Наконец, обвиняемой по пятому делу проходила 52-летняя безграмотная калмычка, которая выехала из Бердска в Новосибирск для продажи сельскохозяйственной продукции на рынке. Совершенное деяние она объяснила тем, что ей недостаточно была разъяснена степень ответственности за данное правонарушение [16. Л. 308–309]. Свою позицию заместитель министра МВД СССР мотивировал тем, что решение о привлечении к уголовной ответственности должно приниматься с учетом конкретных обстоятельств побега (наличие умысла, личность спецпоселенцев, роль руководителей хозяйственных организаций, безответственное отношение к работе самих работников МВД и т.д.).

Таким образом, поддержка Рясным Петровского в его споре с органами прокуратуры была связана не с тем, что он разделял позицию нижестоящего коллеги, а с его стремлением защитить интересы своей корпоративной структуры. Согласно выводу Иммо Ребичека, в послевоенное время сфера влияния Министерства внутренних дел была неприкосновенной. Оно полно-

стью отвечало за все, что так или иначе было связано с «политическим преследованием», в то время как «неполитические дела» оставались в сфере ведения органов суда и прокуратуры [17. С. 324–325]. В рамках данного разделения сфер влияния решения о жесткости санкций, применяемых в отношении бежавших из мест расселения лиц, должны были приниматься единолично работниками системы МВД. В этой связи любые попытки прокуратуры нарушить границы компетенции с целью изменения правоприменительной практики незамедлительно пресекались руководством Министерства внутренних дел, даже если позиция прокуратуры казалась ему более целесообразной. В то же время подобные действия прокуратуры способствовали тому, что непосредственно внутри системы МВД происходила корректировка излишне жесткой позиции отдельных ее работников. Важно, что начиная приблизительно со второго квартала 1949 г. из документов исчезают указания на то, что работники Новосибирского управления МВД стремились наказывать совершающих самовольные отлучки спецпоселенцев в уголовном порядке – указ от 26 ноября 1948 г. стал применяться по большей части к лицам, умышленно бежавших из мест расселения. Однако изменение правоприменительной практики было связано не только с вмешательством центра. Свою роль сыграло и то, что проблема самовольных отлучек потеряла свою актуальность, поскольку руководители предприятий – отчасти в связи с резким ужесточением санкций – перестали массово командировать спецпоселенцев в другие районы [18. Л. 130].

Оценивая данный пример с точки зрения проблемы границ диктатуры, можно согласиться с выводом Петера Соломона, который указал на то, что сталинский режим при реализации репрессивных мероприятий натолкнулся на определенное противостояние со стороны суда и прокуратуры. Данное противоборство выражалось в том, что органы юстиции не всегда с необходимым энтузиазмом воспринимали репрессивные инициативы МВД и пытались корректировать его действия, пускай и в условиях фактического отсутствия у них необходимых для этого инструментов. По мнению историка, причина, по которой работники суда и прокуратуры пытались воздействовать на служащих системы внутренних дел, заключалась не столько в их недисциплинированности, упрямстве или простой некомпетентности, сколько в том, что они имели собственные представления о справедливости и целесообразности [5. Р. 456–457].

Таким образом, нельзя согласиться с А.А. Германом и И.Р. Плеве, которые указали, что после принятия указа от 26 ноября 1948 г. многие спецпоселенцы, в том числе старики и женщины, были осуждены на 20-летнюю каторгу лишь за то, что позволили себе, к примеру, самовольно выйти за пределы населенного пункта, чтобы навестить родственников в соседнем селе либо сходить в лес за грибами и ягодами [19. С. 57]. Напротив, у работников системы внутренних дел в целом существовало представление о том, что повальное применение данного указа по отношению к совершившим самовольные отлучки лицам не является ра-

циональным. Несмотря на то, что отдельные областные управления МВД, в рассматриваемом случае Новосибирское, сразу после принятия указанной нормы заняли жесткую охранительную позицию, в рамках которой стали активно привлекать спецпоселенцев к уголовной ответственности вне зависимости от обстоятельств побега, постепенно данная точка зрения под воздействием как органов юстиции, так и центрального отдела МВД была скорректирована.

2. «Органы МГБ не имеют права санкционировать переезды спецпоселенцев без согласования с хозяйственными структурами»: борьба председателей колхозов за возвращение самовольно переехавших лиц

Дискуссии о применении на практике противопобегового законодательства не ограничивались спором о самовольных отлучках спецпоселенцев. Достаточно широкое противостояние разгорелось также по вопросу их несанкционированных переездов. Состоящие на спецучете лица без разрешения надзорного органа уезжали из районов расселения, чтобы в обход установленной процедуры воссоединиться с семьей или осесть в более крупном городе. Уже на новом месте они пытались легализовать свой статус. В этом им помогали местные хозяйственные организации, которые зачастую с охотой брали на работу новоприбывших лиц. Данные неконтролируемые миграции достигали достаточно больших масштабов. Так, согласно информации начальника управления МВД по Томской области полковника А.Н. Бровченко, 712 спецпоселенцев без разрешения комендатуры в разное время переехали из отдаленных районов региона в областной центр [20. Л. 329–330]. То, какую позицию заняли различные властные структуры, хорошо иллюстрируют два примера, произошедшие приблизительно в одно время в Новосибирской и Томской областях.

1. В 1946 г. немец К. был депортирован в д. Ершово Сузунского района Новосибирской области. Там он стал работать в колхозе им. Андреева. В феврале 1950 г. К. женился на спецпоселенке Кр., которая была трудоустроена в Сузунском леспрохозе. По этой причине Кр. было разрешено переехать к месту жительства мужа. Однако уже в мае 1952 г. она подала заявление, в котором просила санкционировать ее выезд обратно в леспрохоз в связи с прекращением семейных отношений. Данное ходатайство было удовлетворено. В июле того же года К. без согласования с надзорным органом выехал к своей бывшей жене по причине восстановления семьи. На новом месте он не смог найти официальную работу и стал перебиваться случайными заработками. По просьбе председателя колхоза им. Андреева секретарь Сузунского райкома партии Ильенко обратился к органам МГБ с требованием привлечь К. к уголовной ответственности. Районный отдел МГБ в данном требовании отказал и предложил выдать спецпоселенцу официальное разрешение на переезд, благодаря чему К. получит возможность найти нормальную работу в Сузуне. Точка зрения районного отдела была поддержана областным управлением. После получения

отказа от МГБ Ильенко обратился за помощью в обком партии и обосновал свою позицию тем, что работники МВД и МГБ, санкционируя незаконные переезды спецпоселенцев вопреки мнению председателей колхозов и руководителей хозяйственных организаций, занимаются деятельностью, которая не входит в сферу их компетенции. По его мнению, трудоустройство состоящих на спецучете лиц по постановлению от 8 января 1948 г. должно находиться в сфере ответственности сугубо партийных и хозяйственных структур. В этой связи работники органов госбезопасности не имеют права решать проблему занятости спецпоселенцев без согласования с местной властью [21. Л. 146–148]. Реакция обкома партии на данное обращение не была установлена.

2. В июле 1954 г. спецпоселенец С., член колхоза им. Крупской Верхнекетского района Томской области, выехал в областной центр для прохождения лечения. Назад он не вернулся. Вместо этого спецпоселенец трудоустроился в одну из школ города в качестве коноха. Своего места жительства он не скрывал и на протяжении года и двух месяцев активно переписывался со своей семьей, которая осталась проживать в Верхнекетском районе. В результате его жена, работавшая в колхозе скотницей, 21 августа 1955 г. поехала на барже к своему мужу, не согласовав это с комендатурой. Несмотря на то, что двое их детей, 19 и 20 лет, не бежали вместе с родителями, они, по мнению председателя колхоза им. Крупской Есаулова, сделают это в самое ближайшее время [22. Л. 105]. В этой связи руководитель колхоза обратился за помощью в райком КПСС и попросил незамедлительно принять меры по возвращению беглецов в места их первоначального расселения. Вначале секретарь райкома партии Коломников попытался решить данный вопрос через МВД Томской области, в связи с чем написал заместителю начальника отдела спецпоселений подполковнику Толстых, который, однако, не предпринял никаких мер для принудительного возвращения спецпоселенцев. В итоге Коломников обратился за поддержкой к секретарю обкома КПСС В. Москвину, ответ которого не был найден в архивах [Там же. Л. 104].

В обеих ситуациях конфликт развивался по одному сценарию. Без согласования с надзорным органом спецпоселенцы покидали район расселения. Это действие вызывало наибольший протест со стороны руководителей хозяйственных организаций, в данном случае председателей колхозов. Именно они, заручившись поддержкой со стороны партийных органов, пытались добиться возвращения беглецов. Это достаточно логично, поскольку в условиях острого кадрового дефицита хозяйственные организации были заинтересованы в сохранении рабочей силы. Сложнее обстоит ситуация с интерпретацией позиции работников МВД и МГБ, которые встали на сторону спецпоселенцев и предложили сохранить статус кво. Прежде всего необходимо отметить, что данные истории произошли в 1952–1955 гг., т.е. в период, когда начинался процесс распада системы спецпоселений. Значит, на завершающем этапе существования данного института работники надзорных органов практически окончательно призна-

ли невозможность установления полного контроля над несанкционированными миграциями депортированных лиц и стали закрывать глаза на их формально незаконные перемещения, особенно если те происходили в пределах области. Но почему именно МВД и МГБ одними из первых осознали данный факт, в то время как партийные структуры, напротив, пытались принудить надзорные органы к выполнению своих служебных обязанностей? Ответ видится в том, что именно МВД и МГБ должны были реализовывать мероприятия по возвращению беглецов, что, в свою очередь, требовало затрат значительных временных, финансовых и трудовых ресурсов. Например, для пресечения самовольных переездов необходимо было командировать работника в места предполагаемого пребывания беглецов, обследовать все обстоятельства совершения деяния, а также организовать конвоирование и перевозку задержанных к местам первоначального расселения. В данном случае требуемые затраты явно превышали потенциальные выгоды, особенно с учетом того, что спецпоселенцы не покидали пределы области. Партийные органы, напротив, не несли каких-либо издержек при организации возвращения депортированных.

Таким образом, если первая ситуация показывала, как чрезмерно жесткие интерпретации установленных норм корректировались посредством вмешательства в деятельность надзорных органов внешних структур, то данный пример демонстрирует, что сами работники системы МВД и МГБ, особенно на позднем этапе существования спецпоселений, противодействовали реализации тех инициатив, которые они считали неактуальными или нецелесообразными. Данное противодействие, однако, не было активным и выражалось по большей части в том, что служащие надзорных структур закрывали глаза на некоторые незаконные с формальной точки зрения действия спецпоселенцев, при помощи которых те обходили существовавшие ограничения и подстраивали неповоротливую систему под свои потребности.

3. «Чистка предприятий должна проводиться в соответствии с советским законодательством»: инсценировочный характер сталинской диктатуры

По завершении войны местные власти начали проводить целенаправленную политику по трудоустройству спецпоселенцев по специальности, хотя и с рядом значительных ограничений (например, был установлен фактический запрет на прием на работу состоящих на спецучете учителей). В результате к концу 1947 г. в Новосибирской области 59,8% немцев, обладавших какой-либо специальностью, смогли занять позиции, которые в той или иной степени соответствовали их знаниям и опыту. Среди квалифицированных рабочих данный показатель был еще выше – 95,9% [23. Л. 221–232]. Калмыки в этом плане мало отличались от немцев: по специальности были трудоустроены 58,2% специалистов и 89,2% квалифицированных рабочих [Там же. Л. 249–359]. Ситуация изменилась в 1948–1949 гг., когда в рамках общего курса, именуемого «борьбой с космополитизмом», была активизирована кампания

по отчистке предприятий и учреждений от «неблагонадежных» элементов. В этой связи ранее трудоустроенных спецпоселенцев начали массово увольнять с работы [24. С. 59]. Масштабы настоящей кампании отчетливо видны в статистических данных, датируемых апрелем 1953 г. Так, к этому времени в Новосибирской области только четыре спецпоселенца занимали высококвалифицированные должности [25. Л. 148]. Несмотря на то, что данные увольнения были напрямую инициированы работниками МВД, которые зачастую лично направляли руководителям предприятий списки с пофамильным перечнем подлежащих увольнению лиц [26. Л. 12], иногда работники надзорных органов все же вставляли на защиту спецпоселенцев и не позволяли руководителям предприятий понижать их в должности или увольнять.

Спецпоселенка-немка Ф. работала в бюро «Востокзаготзерно» (Томск) на позиции бухгалтера и кассира. По распоряжению начальника бюро Н. Жукова от 30 июня 1950 г. она была уволена. Данное действие Н. Жуков связал не только с кампанией по борьбе с «засоренностью» предприятий и учреждений. По его мнению, главная проблема заключалась в том, что профессиональные обязанности бухгалтера включали в себя работу с секретной документацией, а существовавший запрет на доступ спецпоселенцев к подобного рода информации вынуждал руководство перераспределять нагрузку между другими служащими, что существенно усложняло деятельность предприятия. Кроме того, начальник бюро выразил явное недовольство уровнем квалификации и профессионализма Ф. Возможно, данная ситуация не вызвала бы никаких вопросов, если бы сразу же после увольнения немка не принесла справку, подтверждающую ее беременность. По этой причине Н. Жуков 10 июля 1950 г. подписал распоряжение о переводе ее на более низкую позицию без сокращения заработной платы (бригадир сортировочного цеха). Несмотря на это Ф. обратилась в Томский районный суд. Первоначально суд поддержал позицию начальника бюро, однако впоследствии коллегия областного суда под председательством Малахова отменила решение первой инстанции и вернула дело нижестоящим коллегам для нового рассмотрения. Руководство бюро пыталось обжаловать решение облсуда, но не добились в этом каких-либо результатов [27. Л. 315].

Было установлено, что данное решение суда обжаловалось в неформальном порядке. Это обстоятельство изложил Н. Жуков в своем письме в Томский обком. По его словам, между ним и Малаховым за несколько дней до вынесения решения состоялся телефонный разговор, в рамках которого председатель коллегии облсуда отказался поддерживать решение нижестоящих коллег, заявив: «Мне безразлично, что она немка или нет, в Конституции не записано, что к немцам должен быть особый подход, я разбираю не по социальному происхождению, а как гражданина» [Там же. Л. 316]. Тогда Жуков пригрозил Малахову, что обратится в обком партии. Тем не менее судья остался при своем мнении, даже поддержка председателя профсоюза Шелякова не помогла начальнику «Востокзаготзерно».

Жуков претворил в жизнь свою угрозу и обратился за помощью в Томский обком, написав письмо его секретарю Семину, в котором изложил свое видение данной ситуации. Семин, в свою очередь, проконсультировался с заместителем начальника управления МГБ по Томской области С.А. Прищепой. Удивительно, но тот поддержал точку зрения суда и раскритиковал решение Жукова об увольнении спецпоселенки. Своё мнение он обосновал тем, что в целом политика по «чистке» кадрового состава предприятия от «неблагонадежных» элементов является правильной, однако она должна проводиться в соответствии с советским законодательством. Исходя из этого, понижение в должности беременной спецпоселенки является неприемлемым [Там же. Л. 314].

На первый взгляд, точка зрения Прищепы кажется противоречивой, поскольку он, с одной стороны, активно поддерживал кампанию по увольнению спецпоселенцев и даже был ее инициатором, но, с другой стороны, в данной отдельной ситуации встал на защиту спецпоселенки. Однако данная позиция полностью соответствует общей логике сталинистской диктатуры, которая по своему характеру была «инсценирующей» [28. С. 7]. Это означает, что советский режим создавал иллюзию гармонии и правовой легитимности, проводя параллельно посредством различных как формальных, так и неформальных практик репрессивную политику. Наиболее ярко данная характеристика сталинистской диктатуры проявляется в феномене «номинального конституционализма», в рамках которого для обеспечения правовой легитимности режима, а также маскировки реальности была принята Конституция 1936 г. [29. С. 54]. С этой точки зрения позиция Прищепы кажется достаточно логичной, поскольку защита интересов беременной женщины являлась внешним показателем того, что один из главных социалистических постулатов – защита материнства и детства – соблюдается. В этой связи дискриминационные практики должны были проводиться без явного нарушения «социалистической законности». Таким образом, можно говорить о существовании в действиях представителей власти определенной системы двоемыслия.

Необходимость соблюдения процедуры «внешней законности» была важна не только для работников МВД. Это было частью общего ритуала реализации дискриминационных политических решений. Так, параллельно с кампанией по увольнению спецпоселенцев происходили массовые исключения их из партии. Однако для того, чтобы исключение состоящих на спецучете лиц не выглядело как обычная дискриминация и прямое нарушение известного постановления СНК СССР от 8 января 1945 г., согласно которому спецпоселенцы пользовались всеми правами граждан Советского Союза, за исключением права на свободное передвижение, местные партийные организации шли на ряд уловок. Так, исключения производились только после нахождения формального предлога для этого. Например, секретарь Бакчарского райкома ВКП(б) Н. Кузнецов в своем запросе в Томский обком от 12 августа 1949 г. сообщил, что его отдел проводит следующую политику по отношению к состоящим на учете

спецпоселенцам-коммунистам, прибывшим в район из Азербайджанской ССР. Они вначале берут их на временный партийный учет и запрашивают учетные карточки, а после исключают за малейшее нарушение устава или партийной дисциплины [30. С. 263].

Заключение

Подводя итог, нужно отметить, что при сталинском режиме система контроля законности действий органов МВД и МГБ не функционировала. Это проявлялось в том, что отдельные попытки органов юстиции скорректировать политику надзорных ведомств воспринимались как неординарное явление и порождали борьбу за сферы влияния. Однако даже в период своего наибольшего расцвета сталинская диктатура наталкивалась на ряд ограничений, связанных с наличием как у служащих МВД и МГБ, так и других принимающих

решения акторов своих представлений о целесообразности, справедливости и законности. Для того чтобы подстроить режимные практики под эти представления, работники советской системы или просто прекращали выполнять свои должностные обязанности, или же вступали в открытое противостояние с другими элементами политической структуры. В таком случае ключевым методом ведения борьбы были апелляция к вышестоящим инстанциям и поиск сторонников среди иных органов власти. Иначе говоря, работники всевозможных властных институтов во избежание потенциальной ответственности стремились подтвердить легитимность своего решения, сославшись на более авторитетные мнения. Другим важным элементом политической борьбы являлась необходимость соблюдения различных инсценировок, когда дискриминационные практики должны были проводиться без явного нарушения социалистической законности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлова И.В. Современные западные историки о сталинской России 30-х годов (критика ревизионистского подхода) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 107–121.
2. Fitzpatrick S. New Perspectives on Stalinism // Russian Review. 1986. № 4 (45). P. 357–373.
3. Keep J., Litvin A. Stalinism. Russian and Western views at the turn of the millennium. London ; New York : Routledge, 2005. 264 p.
4. Кудрявцев В.Н., Труссов А.И. Политическая юстиция в СССР. М. : Наука, 2000. 365 с.
5. Solomon P. Soviet Criminal Justice under Stalin, Cambridge : Cambridge University Press, 1996. 518 p.
6. Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг. : историко-правовое исследование. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2008. 348 с.
7. Красильников С.А. Спецпереселенцы // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь. 1920–1930-е гг. Новосибирск : Сова, 2007. С. 287–373.
8. Иванов А.С. Прокурорский надзор за системой спецпоселений (1945–1960 гг.) // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. М. : Политическая энциклопедия, 2015. С. 698–705.
9. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. р-9479. Оп. 1. Д. 473.
10. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х гг. / ред. Т.В. Царевская-Дякина. М. : РОССПЭН, 2004. Т. 5. 824 с.
11. Шадт А. А. Нормативно-правовая база этнической ссылки (регламентация политико-правового статуса российских немцев) (1940–1950-е гг.) // Маргиналы в советском обществе: механизмы и практика статусного регулирования в 1930–1950-е гг. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2006. С. 72–102.
12. ГАРФ. Ф. р-9479. Оп. 1. Д. 443.
13. ГАРФ. Ф. р-9479. Оп. 1. Д. 493.
14. ГАРФ. Ф. р-9479. Оп. 1. Д. 515.
15. Ein Weg durch Russland: Die autobiographischen Aufzeichnungen des Russlanddeutschen Jacob Wall über sein Leben in der Deportation / J. Wall, D. Neutatz (Hrsg.). Essen : Klartext, 2014. 336 S.
16. ГАРФ. Ф. р-9479. Оп. 1. Д. 449.
17. Rebitschek I. Die disziplinierte Diktatur: Stalinismus und Justiz in der sowjetischen Provinz, 1938 bis 1956. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau Verlag, 2018. 454 S.
18. ГАРФ. Ф. р-9479. Оп. 1. Д. 465.
19. Герман А.А., Плеве И.Р. Немцы Поволжья : краткий исторический очерк. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2002. 144 с.
20. ГАРФ. Ф. р-9479. Оп. 1. Д. 445.
21. ГАО (Государственный архив Новосибирской области). Ф. п-4. Оп. 34. Д. 438.
22. ЦДНИТО (Центр документации новейшей истории Томской области). Ф. 607. Оп. 1. Д. 2267.
23. ГАРФ. Ф. р-9479. Оп. 1. Д. 356.
24. Генина Е.С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Томской области (конец 1940-х – начало 1950-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 437. С. 57–60.
25. ГАРФ. Ф. р-9479. Оп. 1. Д. 436.
26. ГАО. Ф. п-9479. Оп. 1. Д. 249.
27. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1322.
28. Rolf M. Das sowjetische Massenfest. Hamburg : Hamburger Edition, 2006. 454 S.
29. Медушевский А.Н. Право и революция: вклад советской легитимности в постсоветскую конституционную трансформацию // Право: история и современность. 2018. № 1. С. 49–59.
30. Из истории земли Томской. 1940–1956. Невольные сибиряки : сб. документов и материалов / ред. Б.П. Тренин. Томск : Гос. архив Томской области, 2001. 352 с.

Olga V. Filippenko, Friedrich Schiller University Jena (Jena, Germany). E-mail: Olga.kanyshkova@mail.ru

ON THE PROBLEM OF THE LIMITS OF THE DICTATORSHIP: THE CONFRONTATION BETWEEN THE MVD AND THE MGB WITH OTHER AUTHORITY STRUCTURES ON THE ISSUES OF SUPERVISION OVER THE SYSTEM OF SPECIAL SETTLEMENTS

Keywords: special settlement; totalitarianism; revisionism; late Stalinism; Western Siberia.

The present article is focused on the limits of Stalin's dictatorship. This problem is considered within the framework of a general discussion between representatives of the totalitarian and revisionist historical schools. It is showed how different regional power structures

interpreted central decisions regulating various aspects of life of the special settlers. The conflicts generated by these differences in interpretations are analyzed, and the mechanisms of their resolution are explored. Based on this, it is demonstrated how these conflicts defused the discriminatory practices and adapted unwieldy administrative system to the needs of the soviet society. The documentation of the party and the Ministry of Internal Affairs of three levels (district – region – center) is used as the primary sources of this article. The research is based on the analysis of three particular examples occurred in the late 1940s – early 1950s in the Tomsk and Novosibirsk regions. Each of the considered cases illustrates contradictions existed within the power structure (the Ministry of Internal Affairs, the Ministry of State Security, party, court, prosecutor's office) and shows that some discriminatory practices did not arouse sufficient enthusiasm among employees of the Stalin's system. The first example reflects the problem of practical application of legislation aimed at preventing escapes from special settlements, especially the decree of November 26, 1948. The second case demonstrates the reactions of various power structures to unauthorized migrations of special settlers. The third example is related to the campaign for the dismissal of deported people in 1948/1949. It is concluded that there was no system for monitoring the legality of the actions of the supervisory authorities in the Stalin's dictatorship. Nevertheless, some discriminatory practices were corrected. It was related to both the intervention of other authorities and the presence of the employees of the Ministry of Internal Affairs and the Ministry of State Security of their own ideas about expediency, justice and legality. In addition, the Stalin's system is considered as a "staging dictatorship" (Malte Rolf's concept) in this article, since discriminatory practices were carried out in parallel with the creation of the image of the rule of law. The need to maintain this image represents another limitation of the Stalin's dictatorship.

REFERENCES

1. Pavlova, I.V. (1998) Sovremennyye zapadnye istoriki o stalinskoy Rossii 30-kh godov (kritika revizionistskogo podkhoda) [Modern Western historians about Stalinist Russia in the 1930s (criticism of the revisionist approach)]. *Otechestvennaya istoriya*. 5. pp. 107–121.
2. Fitzpatrick, S. (1986) New Perspectives on Stalinism. *Russian Review*. 4(45). pp. 357–373.
3. Keep, J. & Litvin, A. (2005) *Stalinism. Russian and Western Views at the Turn of the Millennium*. London; New York: Routledge.
4. Kudryavtsev, V.N. & Trusov, A.I. (2000) *Politicheskaya yustitsiya v SSSR* [Political Justice in the USSR]. Moscow: Nauka.
5. Solomon, P. (1996) *Soviet Criminal Justice under Stalin*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Belkovets, L.P. (2008) *Administrativno-pravovoe polozhenie rossiyskikh nemtsev na spetsposelenii 1941–1945 gg.: istoriko-pravovoe issledovanie* [Administrative and legal status of Russian Germans in the special settlement of 1941–1945: a historical and legal research]. Novosibirsk: SB RAS.
7. Krasilnikov, S.A. (2007) Spetspereseleniye [Special settlers]. In: Krasilnikov, S.A. (ed.) *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir'. 1920–1930-e gg.* [Fringe groups in society. Fringe groups as a society. Siberia. 1920s – 1930s]. Novosibirsk: Sova. pp. 287–373.
8. Ivanov, A.S. (2015) Prokurorskiy nadzor za sistemoy spetsposeleniy (1945–1960 gg.) [Prosecutor's supervision over the system of special settlements (1945–1960)]. In: Ivanov, A.S. et al. *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.* [Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1945–1953]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. pp. 698–705.
9. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund r-9479. List 1. File 473.
10. Tsarevskaya-Dyakina, T.V. (ed.) (2004) *Istoriya stalinskogo GULAGa. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh gg.* [The history of the Stalinist GULAG. The late 1920s – first half of the 1950s]. Vol. 5. Moscow: ROSSPEN, 2004. T. 5. 824 s.
11. Shadt, A.A. (2006) Normativno-pravovaya baza etnicheskoy ssylki (reglamentatsiya politiko-pravovogo statusa rossiyskikh nemtsev) (1940–1950-e gg.) [Normative and legal base of ethnic exile (regulation of the political and legal status of Russian Germans) (1940–1950s)]. In: Krasilnikov, S.A. & Shadt, A.A. (eds) *Marginaly v sovetskom obshchestve: mekhanizmy i praktika statusnogo regulirovaniya v 1930–1950-e gg.* [Outcasts in Soviet society: the mechanisms and practice of status regulation in the 1930–1950s]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 72–102.
12. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund r-9479. List 1. File 443.
13. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund r-9479. List 1. File 493.
14. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund r-9479. List 1. File 515.
15. Wall, J. & Neutatz, D. (eds) *Ein Weg durch Russland: Die autobiographischen Aufzeichnungen des Russlanddeutschen Jacob Wall über sein Leben in der Deportation*. Essen: Klartext.
16. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund r-9479. List 1. File 449.
17. Rebitschek, I. (2018) *Die disziplinierte Diktatur: Stalinismus und Justiz in der sowjetischen Provinz, 1938 bis 1956*. Cologne; Weimar; Vienna: Böhlau Verlag.
18. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund r-9479. List 1. File 465.
19. German, A.A. & Plevy, I.R. (2002) *Nemtsy Povolzh'ya: kratkiy istoricheskiy ocherk* [The Volga Germans: A Brief Historical Sketch]. Saratov: Saratov State University.
20. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund r-9479. List 1. File 445.
21. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund p-4. List 34. File 438.
22. The Center for Documentation of the Contemporary History of the Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 2267.
23. The State Archive of the Russian Federation (GARF). F. r-9479. List 1. File 356.
24. Genina, E.S. (2008) Kampaniya po bor'be s kosmopolitizmom v Tomskoy oblasti (konets 1940-kh – nachalo 1950-kh gg.) [A campaign against cosmopolitanism in the Tomsk region (late 1940s - early 1950s)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 437. pp. 57–60.
25. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund r-9479. List 1. File 436.
26. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund p-9479. List 1. File 249.
27. The Center for Documentation of the Contemporary History of the Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 1322.
28. Rolf, M. (2006) *Das sowjetische Massenfest*. Hamburg: Hamburger Edition.
29. Medushevskiy, A.N. (2018) Pravo i revolyutsiya: vklad sovetsskoy legitimnosti v postsovetsskuyu konstitutsionnuyu transformatsiyu [Law and revolution: the contribution of Soviet legitimacy to the post-Soviet constitutional transformation]. *Pravo: istoriya i sovremennost' – Law: History and Modernity*. 1. pp. 49–59.
30. Trenin, B.P. (ed.) (2001) *Iz istorii zemli Tomskoy. 1940–1956. Nevol'nye sibiryaki* [From the history of Tomsk. 1940–1956. Forced Siberians]. Tomsk: The State Archive of Tomsk Region.